

Валерий Суховей

Беглец из страны Оз

12+

Валерий Суховей
Беглец из страны Оз

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Суховей В. Ю.

Беглец из страны Оз / В. Ю. Суховей — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Благодаря развитию цифровых технологий люди уже в конце 21 века могли обладать практически любыми вещами, не отравляя при этом экологию Земли. Почему же ученый, благодаря деятельности которого человечество пришло к такому благоденствию, мучается так, что отправляется в прошлое, чтобы помешать работать самому себе?

Содержание

1	6
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

*«Вчера мы сообщали, что в понедельник, на двести тридцатом километре трассы *** был обнаружен обнаженный труп мужчины средних лет без признаков насильственной смерти. По информации, полученной от источника в местных правоохранительных органах, в ходе расследования установлено, что пострадавшим мог быть известный физик, сотрудник Московского университета Илья Русевич. Однако сегодня выяснилось, что Илья Русевич находится на симпозиуме за границей и уже выходил на связь с руководством университета и своей семьей. Наш канал выражает искреннее извинение за выход в эфир недостоверной информации. Расследование инцидента продолжается».*

Из теленовостей сентября 2016 года

1

Старик спешил. Наверняка его отследили. Последнюю неделю он обычно просто уединялся в молодом бору неподалеку от дома и по часу гулял с хмурым, угрюмым выражением лица. В контакт ни с кем не входил, подозрительных действий не совершал, поэтому ни со стороны правительства, ни со стороны Ученого Собрании к нему претензий предъявить не могли.

А сегодня утром улетел почти за двести километров, оставив в домашнем кабинете записку для жены: «Дорогая Наташа! Тяжко это писать, но полагаю, что мы более не увидимся. Не думай, я не самоубийца. Это просто будет продолжение моего дела (зачеркнуто) обратная сторона дела моей жизни. Береги Катю, она еще так молода. Гришка хоть и болван, но на ногах стоит крепко, я за него спокоен. Не знаю, что писать: за всю жизнь все сказано. Ухожу. Целую. Навсегда твой любящий...» Завершалась записка красивой подписью с завитушками.

Пока он не начал откапывать этот камень, вряд ли что-то могло бы привлечь особое внимание службы безопасности. Камень был довольно большой, желтый с красными прожилками. Какой-то неизвестной породы. Настоящий природный валун, видевший еще ледниковый период.

Болото, когда-то бывшее здесь, давно отступило, и камень уже успел затянуться землей. Сухощавыми руками старик нервно срывал пожелтевший дерн вокруг камня. Травяной слой клоками отставал от лежавшего под ним песчаника.

Затем он стал подкапывать валун с боков. Найденная рядом прочная палка серьезно помогла в этом деле.

Нынешнее лето не было дождливым. А с утра вдруг запарило. Стало душно. Впрочем, старику казалось, что ему всегда не хватало воздуха в мегаполисе, хотя наблюдавшие врачи и не ставили ему дурных диагнозов. Просто он задыхался от постоянного психологического напряжения, неизбежного и неустраняемого.

Старик запачкал свой старомодный черный костюм, но не обращал внимания на такие мелочи. В пылу увлеченности он все-таки решил освободиться от пиджака и почти незаметным движением скинул его на траву, где уже валялся летательный ранец. Через некоторое время он уже позабыл о нем, и пиджак исчез с поверхности, словно растворился. Летательный ранец продолжал предательски блестеть.

Дергая и расшатывая камень, старик потел, вены на сухой шее вздувались, но тренированные и цепкие руки наконец сдвинули камень с места. Старик вновь напрягся и перевернул его. Нижняя сторона камня не была влажной – значит, камень именно тот.

Нужен отдых.

Повалившись на траву, старик мысленно порадовался, что теперь склон холма не такой крутой и высокий, как в годы его детства. Когда в девяностых расширяли дорогу к строящемуся мосту, холм, под которым лежал этот камень, сильно подровняли, сняв высоту почти наполовину. Мальчишкой он насколько мог близко подбирался к стройке, смотрел, как взрывали горную породу и очень боялся, что ей завалят желтый округлый камень, который показал ему когда-то дед Иван. Но дорожники сделали свое дело, а камень так и желтел у подножия холма, в затянутой тиной луже. Парнишка вырос, подался в Москву, бывал часто и за границей, а на родину возвращался только три раза.

Первый – в девяносто третьем, когда после расстрела Верховного Совета и начавшейся свистопляски в стране не выдержало сердце его совсем еще молодой матери, рано разбитое одиночеством и безвременным уходом родителей. Тогда он, только поступив в Московский университет, приезжал на ее похороны. Отца же он и не помнил, потому, оставшись сиротой, переживал тяжелые дни. Но в университете помогли – назначили помощь от государства как

отличнику кафедры, на которой он уже со второго курса занимался серьезными научными исследованиями.

Второй раз – уже в начале этого века, случайно, можно сказать – проездом. Выдался крохотный отпуск перед отъездом его, весьма успешного российского ученого с серьезной репутацией, на симпозиум в Дели. Жена – несмотря на его возмущение – так и не вернулась с Катей к началу учебного года с отдыха на Коста-Брава. А ему что-то вдруг захотелось вспомнить счастливое детство, потянуло на родину. Прыгнул в машину – и примчался. Утомленный интригами «ученого мира», он тогда славно подпитался чистотой и добротой любимых с детства мест перед предстоявшими трудными дебатами. Правда, началось все с небольшого ДТП, но помнится, все обошлось.

Последний раз он приезжал специально к этому камню в тридцатом году, во время «водных бунтов». Но и тогда, долго-долго просидев около него, разглядывая едва видимые на нем буквы, он все же не нашел для себя убедительных доводов сделать то, для чего оказался здесь теперь.

Вспомнились слова, сказанные когда-то его дедом Иваном: «Был бы я гений или герой...» – и про себя подумал: – «Что ж, вот я – признанный гений, а коли удастся то, что делаю, то буду считать себя и героем... Ты бы понял меня, дед...»

Вцепившись в камень, старик принялся толкать его наверх по склону. Камень был тяжелый, время обточило его поверхность, рукам было не за что ухватиться. Кое-где холм оголился до блестящей гранитной породы, и в тех местах ноги беспомощно скользили, не находя опоры на хлипких кустиках травы, не в силах удержать тяжесть человека, помноженную на груз, который он тащил. Чуть не сорвавшись, старик вовремя подхватил камень, но все же сильно отдал кисть левой руки и в который раз пожалел, что не захватил с собой прочной веревки. «Сизифов труд», – застучало в голове. – А если все напрасно, и я повелся на наивную детскую мечту?...».

Внезапно послышался шум реактивного ранца. Старик знал, что по дороге ездят теперь редко, хотя само направление оставалось довольно оживленным – до двух-трех летунов за день. Старик распластался, прильнув лицом к согретой солнцем скале. Человек пролетел мимо – знать, старик ему был не нужен. Почему-то всплыло в сознании лицо жены. Теперь она уже встала с постели, сходила в душевую. В какую кожу там облачилась – седьмую или, может, пятую? В пятой визуализация похуже, но зато она к телу приятней. Выйдет – и тут засветится его записка... Как жена это переживет?.. Расплатется, конечно... Э, нет, нет у него права раскисать!

Маленькая передышка – и снова толкание камня! Вверх, вверх, вверх! А склон все-таки высокий. А лет-то уж перевалило за семьдесят! Сердце от волнения и усилий скакало по грудной клетке, как сбесившаяся белка в колесе.

И вот – показался пологий край дороги. Последним усилием старик вытолкнул камень, убедился, что он держится наверху, и выполз сам. Рубаха вымокла, брюки порвались. Он предполагал это. Так и случилось, воображение никогда не обманывает. Старик оперся на руки, бессильно свесил гудевшую голову. Ритмичные сердечные удары били в диссонанс с раздольным шумом крон могучих сосен, окружавших этот отрезок забытой дороги. Со стороны заброшенного еще в конце тридцатых годов водозаборного пункта, дряхлевшего на почти пересохшей старице, ветер гнал над головой невеселые серые облака к не видимому за лесом городу.

– Что вы делаете, профессор?

Старик невольно вскрикнул и обернулся на голос. Плечистый, совсем молодой мужчина, которого уже никак не хотелось назвать парнем, облаченный в защитный костюм-хамелеон, почти сливался с пасмурным сентябрьским небом. На боку у него висел небольшой бластер,

за спиной – авиаранец. Все-таки прилетел. Как же он неслышно подобрался? Понятно – профессионал.

– Зачем вы здесь, профессор? – повторил он вопрос, обращаясь к старику.

– Отдыхаю, – все еще тяжело дыша, сказал профессор. – Не ожидал увидеть именно тебя,

Грег. Впрочем, конечно, следить за мной проще всего собственному внуку.

– Не следить, а охранять, – Молодцеватый сотрудник спецхраны сверлил старика ироничным взглядом: – А почему профессор Русевич, академик четырех академий, лауреат всех известных премий отдыхает, ворочая камни в провинциальном захолустье?

– Для кого захолустье, я для меня родина! – запальчиво крикнул профессор.

– Да, мы это знаем, – невозмутимо проговорил Грег, демонстративно игнорируя возмущение старого профессора. Как же принадлежность к силовой касте сразу позволяет так высокомерно произносить это «мы» даже разговаривая с собственным дедом! Когда же он проморгал своего внука? А разве он им когда-то интересовался? Он всегда был занят наукой. Спасал человечество! Спасал? Разве? Или все же искал славы?

Профессор постарался сказать как можно более спокойным голосом:

– Врачи рекомендовали мне физические упражнения.

Это прозвучало как издевка.

– В вашем доме замечательный спортзал с бассейном.

– Но я не дома...

Грег уже давно не звал деда «дедушкой». Только официально-отчужденно: «профессор Русевич». И не только потому, что дед был важным человеком в государстве и в мире. Родственные пути деда и внука давно разошлись, еще когда дочь Русевича и ее супруг официально стали поддерживать движение «водных бунтарей», отчего она чуть не села за решетку, а муж погиб в столкновениях с полицией. Русевич тогда подключил серьезные связи, и она отделилась ссылкой в Бразилию, из которой, впрочем, вернулась уже давным-давно, пятнадцать лет назад, когда все стихло. Ну, а ее малолетний сын – тоже по протекции Русевича-старшего был отдан в спецучилище, готовящее «слепцов». Попавший туда уже не нуждается ни в родных, ни в близких. Мать так и не встретила с сыном после возвращения. Жила вдали от мегаполисов, тихо и незаметно, ни о чем не спрашивая. Русевич тоже не ехал к ней – репутация дороже – но через доверенных людей удаленно следил за ее жизнью. Выросший Гриша стал честным служакой, выполняющим свой долг – как его тому научили другие «слепцы». Вряд ли Русевич хотел такого будущего для внука, но альтернативой полицейской службе для него был только уход от беспризорника в бандиты. А тогда – неминуемая скорая гибель.

– Нам сложно охранять вас, если вы не предупреждаете заранее о своих дальних прогулках. У вас же нет маячка, как у обычных людей. Мы доверяем вам, а вы опять так неосторожны... А Соглашение-то подписывали! – назидательно и нудно отчитывал пожилого человека этот уверенный в своей правоте юнец.

Значит, не она ему позвонила. Сами вычислили... Русевич сорвался:

– Зачем меня охранять? Последний раз преступление в здешних краях было одиннадцать лет назад!

– Преступление – да, но от несчастного случая вы не застрахованы даже при наличии полного страхового полиса. А в вашем возрасте, извините, не стоит заниматься с отягощениями: вы так ценны для нас, для всего человечества. Без вас этот мир был бы совсем иной.

«Какая патетика! Намерен притащить меня назад, – подумал профессор. – Что же – он просто выполняет свою работу». Рассуждение придало решимости.

К ним неумолимо подтягивались свинцовые тучи. Начинался дождик. Тяжелые капли дождя посыпались на старую дорогу, на начинавшую желтеть траву, на Русевича, на Грега, на желтый камень, потревоженный впервые за многие годы.

– Я ненавижу этот мир, – отрешенно проговорил старик, оглядываясь и вставая. – И то, что он стал таким в том числе из-за меня, только усиливает мою ненависть.

– Плохая речь, профессор. Что вы задумали? – все еще подчеркнуто вежливо, но с заметной настороженностью спросил Грег.

Ничего не отвечая, старик, оглядевшись, подошел к камню, по которому били уже не капли, а струи дождя. Попадая на желтую, отшлифованную временем поверхность, они с шипением, будто возмущаясь, образовывали пелену пара, за которой охраннику почти не стало видно старика. Профессор обхватил камень, собрав последние силы, поднял его над головой и бросил, направляя на торчащий из земли скальный выступ.

Пораженный таким проявлением стариковой силищи, Грег поначалу решил, что спятивший дед будет бросать камень в него. Службист отскочил и выстрелил в падающую глыбу. Бластер щелкнул одновременно с близким грозовым разрядом, и громовой удар заглушил треск от разбившегося камня. Рыжие осколки разлетелись, рассекая дождевые струи. Порывистый ветер внезапно стих, и облако пара, похожее на знойное марево, еще долго висело над дорогой, искривляя очертания колышущихся кустов. И шелестел дождь.

2

Обычно покемоны появляются у каких-то достопримечательностей. А тут – ничего. Ни кафе, ни автостоянки, ни памятника – просто дорога среди перелеска. Но шевелилась же трава на экране!

Сережка слез с велосипеда, на всякий случай припрятал его в придорожных кустиках и заметался возле обрывистой дорожной насыпи, туда-сюда крутя камеру смартфона. Однако никакого волнения травы или какой-то другой индикации не было. Где-то затаились покеболлы? Но волшебного синего колеса на экране тоже не было. Может, какие-то новые правила, которые ему не известны? Он играл в «Покемон го» только второй месяц, да и версия была «кривая», естественно – не русифицированная, так что ожидать можно чего угодно.

«Значит, кто-то уже моего покемона поймал», – в конце концов решил Сережка. Его это не сильно удивило. Судьба научила его смиряться с тем, что он неудачник. Правда, никого поблизости видно не было. «Вот, занесло меня сюда, на кривую дорогу!.. Чего сворачивал на эти колдобины?» Парень психанул, сплюнул и уселся на лысую гранитную глыбу, вылезшую на обочине дороги.

Переключился на Яндекс. Пробежался по новостям. Министр культуры встречался с активистами российского военно-исторического общества. Ребята предложили приспособить к делу патриотического воспитания высокие технологии и создать очки виртуальной реальности, которые виртуально смогут отправлять школьников в прошлое, буквально в центр сражения. В комплекте с очками предполагается создать жилет, который бы имитировал ощущения от попадания пуль. «Прикольно», – подумал Сережка.

Парень отвлекся от экрана, потому что на фоне шума сосновых крон услышал звук, похожий на стук падающих капель в начале дождя. Посмотрел на небо – белые пушистые облачка весело бежали по яркому сентябрьскому небосводу, но дождя явно не намечалось. Совсем обидно, если такой чудный погожий выходной будет испорчен. Да и от города он уехал далеко – мокнуть на обратном пути ему совсем не в кайф.

И тут началось нечто непонятное: воздух зашевелился, будто от раскаленной нестерпимым зноем дороги, искажая контуры ветвей. Почему-то стало страшно. Мальчишка вскочил и осторожно двинулся в сторону своего велика. Однако, сделав буквально два шага, он был сбит какой-то невидимой силой, отскочил на пыльную обочину и уткнулся носом в землю.

Ушибся не сильно. Медленно привстав, Сережка ощупал себя, затем поднялся на ноги, отряхнулся и огляделся.

Недалеко, на обочине, лежал, распластав руки, человек. На вид лет сорока, но уже с седо-ватой бородкой, в оранжевом, цвета мультяшного Немо, гидрокостюме, правда, без маски и акваланга; на руках были такого же вида перчатки, а вместо ласт – странные не то носки, не то сапожки.

«Как я его сразу не заметил? Машиной что ли сбило?» Да только рядом не видно ни автомобиля, ни хотя бы следов покрышек.

Первый порыв был естественным: надо отсюда бежать. Вот уж чего точно не хотелось в это тихое сентябрьское утро Сереге – так это влезать в какую-то криминальную историю. Да даже если просто мужик спяну тут рухнул – так не на дороге же, не задавят. А то и остановится кто, подвезет, может.

Но другой внутренний голос толкнул парня подойти к этому бедолаге и тихонько пнуть его ногой. Тот пошевелился, разомкнул веки и после нескольких нескоординированных движений сел, опершись на руки. Устремив затуманенный взгляд на Сережку, незнакомец проговорил:

- Где это я?
- Недалеко от Снигирево.
- Хорошо. А время?
- Ну, где-то полдень.
- Да нет, год какой?
- «Здорово его шибануло, – подумал Сергей, – или все-таки пьяный?»
- Год?.. Шестнадцатый год.
- Только шестнадцатый? – разочарованно выдохнул мужчина и непонятно зачем спросил: – У тебя зеркало есть?
- На велике, – утвердительно качнул головой Сергей, – а что?
- Было видно, что этот оранжевый дядька не мог оправиться то ли от шока, то ли от удара и мотал головой, заставляя очнуться свой вестибулярный аппарат.
- Скажи, сколько мне лет на вид?
- Ну, где-то сорок – пожал плечами Сережа. В свои девятнадцать он плохо ориентировался в возрасте. Все, кому за тридцать, были для него дедами.
- Что-то пошло не так, – совсем расстроился мужчина. – Я полагал, мне будет лет двадцать. Сорок лет – это ведь уже не молодость?
- Да как посмотреть, – осторожно ответил Сережа, отчего-то боясь еще больше огорчить странного «сухопутного дайвера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.